

Нет автора

Русская старина

1880. Том 28

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1880. Том 28 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 884 с.

ISBN 978-5-458-02779-3

ISBN 978-5-458-02779-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ГРУЗИИ КЪ РОССІИ

1799—1831.

Изъ всѣхъ окраинъ Россіи намъ менѣе всего извѣстенъ Кавказъ. Между тѣмъ, на ознакомленіе съ этимъ именно краемъ правительство дѣлало и дѣлаетъ весьма значительныя затраты. Учрежденная по Высочайшему повелѣнію, въ апрѣлѣ 1864 года, подъ моимъ предѣдательствомъ, «Кавказская Археографическая Коммисія» успѣла уже напечатать семь громадныхъ (in fol.) томовъ собранныхъ ею Актовъ за время нашего владычества на Кавказѣ съ 1799 по 1831 г. Но изученіе Актовъ доступно только терпѣливому труду специалистовъ-ислѣдователей, дабы изъ отдѣльныхъ документовъ правительственной и административной дѣятельности сдѣлать общіе выводы для разъясненія различныхъ явленій исторической жизни Закавказья. Такая задача, очевидно, не легка и не можетъ быть съ перваго раза разрѣшена съ должною полнотой и законченностью; но это, конечно, не должно останавливать послѣднее ея разрѣшенія на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми мы можемъ воспользоваться въ настоящее время. Сдѣлаемъ что можемъ, и представимъ другимъ исправить нашъ трудъ и достигнуть лучшаго результата.

Руководствуясь такимъ убѣжденіемъ, мы постараемся въ настоящемъ изслѣдованіи, по возможности, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

1. Было-ли присоединеніе Грузіи результатомъ завоевательныхъ плановъ Россіи?
2. Произошло-ли присоединеніе Грузіи къ Россіи вслѣдствіе эгоистическаго стремленія Георгія XII ограждать свои личныя права? и
3. Желалъ-ли грузинскій народъ русскаго подданства?

Мы посвящаемъ разрѣшенію cadaго изъ этихъ вопросовъ особенную главу и на основаніи подробнаго анализа сдѣлаемъ конечный выводъ.

Ад. П. Верже.

1880 г. г. Тифлисъ.

ГЛАВА I.

Было-ли присоединение Грузии результатомъ завоевательныхъ плановъ Россіи?

Европейскіе публицисты и мыслители никакъ не хотятъ признать постепенное развитіе внутреннихъ силъ и внѣшняго могущества Россіи за явленіе историческое, совершающееся помимо воли людей, стоящихъ во главѣ русскаго правительства, но видятъ въ томъ результатъ дальновидной политики, т. е. разныхъ ухищреній русскихъ дипломатовъ, исполняющихъ планы, задуманные ихъ предшественниками. Неосновательность такой мысли, не смотря на авторитеты, ее проповѣдующіе, выясняется всякій разъ, когда безпристрастное историческое изслѣдованіе касается какого нибудь вопроса изъ прошедшей жизни нашего отечества. Оказывается, что въ Россіи, какъ и вездѣ, дипломаты и лица, стояція во главѣ государственнаго управленія, имѣли свои стремленія, свои планы, свои личныя симпатіи, но могли приводить ихъ въ исполненіе лишь на столько, на сколько этимъ обусловливался историческій ходъ событій. Не все у насъ были гении, даже не все честные люди, не всегда были у насъ успѣхи въ сношеніяхъ съ другими странами и народами, и, не смотря на разочарованіе руководителей, факты доказываютъ, что иногда опибкѣ, увлеченію, неудачѣ—мы были обязаны болѣе плодотворными послѣдствіями, чѣмъ наилучше обдуманнмъ, блистательнымъ планамъ, которыхъ систематическое, точное исполненіе приносило одно зло. То же самое было и у другихъ народовъ, предназначавшихся играть видную роль на поприщѣ историческомъ.

Покореніе Кавказа и Закавказья многимъ кажется неизбѣжнымъ продолженіемъ плановъ Петра I, который самъ велъ войска по Каспійскому побережью и завоевалъ для Россіи лучшія персидскія провинціи, возвращенныя обратно его наслѣдниками, не понимавшими цѣлей гениальнаго человѣка. Но такой взглядъ не подтверждается историческими документами. Оказывается, что мысли Петра были совсѣмъ забыты или, вѣрнѣе, значеніе ихъ было утрачено вполнѣ. Вниманіе русскихъ государственныхъ людей было обращено на другіе вопросы и проложеніе торговаго пути черезъ Россію въ Индію по направленію, указанному великимъ преобразователемъ, было отнесено къ области утопій. По уступкѣ Персіи ея провинцій, всѣ наши заботы сосредоточились на охраненіи пограничной Кавказской линіи и возможномъ ея благополучіи. Всякое движеніе впередъ, всякій шагъ далѣе къ югу, къ Кавказскимъ горамъ, вовсе не былъ исполненіемъ

политической программы, преподанной свыше, а вызывался случайно событиями, совершавшимися въ сопредѣльныхъ странахъ, и дипломатія отставая отъ хода дѣлъ, только давала санкцію уже совершившемуся.

Рѣшительное покореніе Кавказа и Закавказья началось съ присоединеніемъ Грузіи, и фактъ этотъ, по нашему мнѣнію, вовсе не предусмотрѣнный современными дѣятелями, совершился даже вопреки ихъ воли и послѣдствія его были вовсе не тѣ, которыхъ ожидали, а тѣ именно, какія были необходимы для развитія могущества Россіи, сообразно задачѣ, которую она должна исполнить въ мировомъ, историческомъ ходѣ событій.

Грузія вовсе не была сознательно завоевана, какъ думаютъ нѣкоторые, и не могла быть завоевана въ то время, когда совершилось ея присоединеніе. Всякое завоеваніе предполагаетъ, конечно, завоевателя, который, подобно Александру Македонскому или Наполеону I, жаждалъ бы всемірной извѣстности, считалъ бы для себя высшимъ благомъ покореніе, торжество надъ непріятелемъ, кто бы онъ ни былъ, лишь бы можно было до него добраться и вынудить къ сопротивленію. Такого завоевателя, въ періодъ присоединенія Грузіи, на русскомъ престолѣ не было. Правда, начало серьезныхъ намѣреній присоединить Грузію относится къ царствованію Екатерины II, когда, благодаря широкимъ планамъ развитія Россіи, какъ самой императрицы, такъ и окружавшихъ ее гениальныхъ людей, можно подозрѣвать весьма отдаленныя политическія комбинаціи, но, какъ извѣстно, всѣ онѣ, со смертію императрицы, окончились отступленіемъ русскихъ войскъ изъ Закавказья въ 1796 году, что сильно поколебало вѣру въ покровительство Россіи. Въ инструкціи, данной по указу императора Павла I Коваленскому, 16-го апрѣля 1799 года (1), которою фактически подтверждался договоръ, заключенный Екатериною II съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ II, 24-го іюня 1783 года,—вовсе не видно скрытыхъ политическихъ плановъ и не рекомендуется какихъ нибудь дипломатическихъ дѣйствій, предназначенныхъ приготовить пути къ поглощенію грузинскаго царства, а, напротивъ, все указываетъ на искреннее желаніе сохранить его самостоятельность подъ покровительствомъ Россіи. Такъ, на примѣръ, 11-мъ пунктомъ этой инструкціи Коваленскому вмѣняется въ обязанность «чинить царю приличныя внушенія, дабы поведеніемъ своимъ и разными заведеніями къ просвѣщенію народа въ православной вѣрѣ нашей, тамъ, по невѣжеству, наиболѣе по наружности исповѣдуемой, и, вообще, всякаго просвѣщенія, отличался бы онъ между варварскими тамошними народами». И далѣе: «если бы царь основалъ воинское свое ополченіе посредствомъ нѣкотораго порядка или регулярства и за-

ведения порядочной артиллерии», то Коваленскому рекомендуется «употребить для руководства ихъ начальника и офицеровъ посылаемаго егерскаго полка, дабы такимъ образомъ царь и съ малыми силами могъ противостоять въ нуждѣ необузданнымъ и многочисленнымъ полчищамъ персидскимъ». Очевидно, приказаніе принуждать царя, поступающаго въ подданство, заводить національныя школы и національную регулярную армию—совершенно противно здравому смыслу, если бы предполагалось поглотить Грузію, а доказываетъ то, что Россія, въ виду сохраненія христіанскаго государства за непроходимыми въ то время Кавказскими горами, желала только оградить его существованіе и для того, довольствуясь лишь ролью сюзерена, предполагала упрочить прогрессивно развитіе страны.

Что 11-й пунктъ инструкціи не составлялъ дипломатической уловки, а имѣлъ реальное, буквальное значеніе, мы убѣждаемся изъ рапорта генерала Лазарева Кноррингу, отъ 25-го сентября 1800 года (2), письма къ нему-же Коваленскаго, отъ 23-го декабря 1800 года (3) и письма Кнорринга къ Георгію XII (4), въ которыхъ изложены предложенія, дѣланныя царю этими лицами о необходимости организациіи грузинскихъ войскъ. Но царь видимо не могъ воспользоваться предоставленными ему средствами устроить самостоятельное царство и предпочиталъ просить усиленія русскихъ войскъ до цифры 6,000 человекъ, которую почему-то считалъ достаточною для огражденія Грузіи отъ внутреннихъ и вѣншихъ враговъ (5). Впрочемъ, одинъ изъ сыновей Георгія, Михаилъ, какъ удостовѣряетъ Лазаревъ (6), «собралъ роту изъ своихъ малолѣтнихъ и по образу нашему вооружаетъ и обучаетъ ее»; но, вѣроятно, эта игрушка ничѣмъ не кончилась, такъ какъ объ этой ротѣ послѣ того нигдѣ не упоминается.

При высылкѣ полка Гулякова, Кноррингъ, 8-го сентября 1800 года (7), предписалъ Лазареву «дать примѣтить царю, что если высочайше назначенныя войска и вступили въ Грузію, то не на всегдашнее пребываніе и не на содержаніе гарнизоновъ, а только временно, по случаю опасностей, угрожающихъ Грузіи, и потому усилія царя въ мѣрахъ собственнаго воинскаго вооруженія не должны ослабѣвать». Далѣе Кноррингъ, «къ единому свѣдѣнію Лазарева», сообщаетъ почерпнутое имъ изъ переписки съ Георгіемъ убѣжденіе царя, что войска останутся навсегда въ Грузіи, и что отъ продовольствія ихъ Грузія будетъ наполняться деньгами, а царь ничего не будетъ тратить на содержаніе войска, и потому поручаетъ Лазареву «настоять, чтобы грузинское правительство не оставляло принятыхъ къ собственной своей безопасности мѣръ» (8). Честный Лазаревъ не

могъ допустить, чтобы царь пускался въ спекуляціи, какъ то дѣйствительно оказалось, но приписывалъ требованіе подкрѣпленій тому, что «царь, какъ человекъ удрученный страхомъ, не въ силахъ будучи отрясти отъ сердца своего угроженія, предавался совершенному унынію и въ семь разъ брался за то, что первымъ къ спасенію его представлялось» (9).

Впрочемъ, обвинять царя Георгія, что онъ не организовалъ туземныхъ войскъ, было бы не совсѣмъ справедливо. Полное разстройство внутренней государственной жизни, существовавшая и ожидавшаяся междоусобія и опасность отъ вѣшнихъ враговъ—не могли быть устранены собственными силами царства, что и вынудило искать подданства російскому императору въ замѣнъ высылки русскихъ войскъ, которыя сохранили бы погасавшую жизнь грузинскаго царства. Первый отрядъ русскихъ войскъ, 17-й егерскій ген.-маіора Лазарева полкъ, вступилъ въ Тифлисъ 27-го ноября 1799 года (10), и, какъ описываетъ Коваленскій, «сдѣлалъ при входѣ фигуру презрѣдную, бывъ встрѣченъ за три версты наивеликолѣпнѣйше. Царь, со всѣми знатными, свѣтскими и духовными вельможами, выѣхалъ на встрѣчу въ сопровожденіи болѣе десяти тысячъ человекъ народа, въ городѣ же, видъ амфитеатра имѣющимъ, всѣ крыши домовъ были усыпаны женщинами, и, по единообразному ихъ изъ бѣлаго холста одѣянію, казали собою прекрасный видъ разсѣяннаго по городу лагеря. Пушечная пальба и колокольный по всѣмъ церквамъ звонъ возвышали сіе празднество, а радостныя восклицанія народа, движенія и самыя слезы, особливо женщинъ, усовершенствовали сію трогательную картину братскаго приѣма и неложной преданности къ намъ народа». Но вслѣдъ за симъ трогательнымъ празднествомъ являлись послы персидскаго шаха. Они требуютъ покорности, угрожая истребленіемъ Грузіи, а братъ царя, Александръ, бѣжитъ въ Персію и нарушаетъ внутреннее спокойствіе. Обучать войска было некогда и уже въ іюнѣ 1800 года Коваленскій проситъ усиленія русскихъ войскъ въ Грузіи, для отраженія ожидаемаго вторженія персіянъ подъ начальствомъ Аббас-мирзы. 10-го іюля генералу Кноррингу дается императоромъ Павломъ рескриптъ о приготовленіи къ походу съ Кавказской линіи по пяти эскадроновъ изъ драгунскихъ полковъ Пушкина и Обрѣскова, двухъ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ въ срединѣ линіи, двухъ сводныхъ гренадерскихъ и одного баталіона егерскаго Лихачева 1-го полка, такъ, чтобы вмѣстѣ съ полкомъ Лазарева имѣть въ Грузіи 10 эскадроновъ кавалеріи и 9 баталіоновъ инфантеріи (11). Такимъ образомъ, очевидно, обстоятельства не допускали мысли о возможности доставить грузинскимъ войскамъ ре-

гулярство, особенно при томъ условіи, что денегъ въ царствѣ не было (12) и наличныя боевыя силы, собранныя въ помощь Лазареву, «едва имѣли по одному ружью на 18 человекъ, а остальные были вооружены обожженными кизылевыми палками» (13).

Первые политическіе дѣятели, прибывшіе изъ Россіи въ Тифлисъ, были дѣйствительный статскій совѣтникъ Коваленскій и генераль-маіоръ Лазаревъ. Коваленскій, назначенный полномочнымъ министромъ при царѣ Георгіѣ, поставилъ себѣ задачею играть первенствующую роль и распоряжаться безконтрольно Грузіей. Во всѣхъ его донесеніяхъ, письмахъ, проектахъ и соображеніяхъ не видно никакой государственной идеи, никакого понятія о служеніи какому нибудь отвлеченному принципу: всѣ интересы Россіи и Грузіи отступаютъ для него на задній планъ, какъ только задѣвается мелочное самолюбіе или корыстолюбіе этого кляузнаго чиновника. По приѣздѣ въ Тифлисъ, министръ удивилъ всѣхъ своимъ поведеніемъ (14). Напрасно царь ежедневно посылаетъ узнавать о его здоровьѣ, выражая тѣмъ желаніе видѣть министра. Коваленскій не хотѣлъ понять этого и отсылалъ посланцовъ съ отвѣтомъ, что онъ здоровъ. Наконецъ, когда рѣшился явиться къ царю, то послалъ прежде сказать, чтобы для него изготовили кресла. Къ царю Коваленскій явился въ особомъ нарядѣ: въ шубѣ, теплыхъ сапогахъ и дорожной шапкѣ, и тотчасъ же сѣлъ въ изготовленные для него кресла, касаясь своими ногами ногъ царя. Затѣмъ, отправясь въ томъ же нарядѣ къ царицѣ, онъ кончилъ аудіенцію объявленіемъ, что настала адмиральскій часъ, и потребовалъ себѣ водки. Сообразно нелѣпному наряду и поведенію, рѣчь министра отличалась дерзостью и пренебреженіемъ. А между тѣмъ этотъ недоступный министръ русскаго императора общался царицѣ взятку въ 3,000 р., адъютанту царя князю Александру Макаеву 2,000 р. и княгинѣ Чавчавадзе 7,000 р., если они убѣдятъ Георгія ходатайствовать предъ государемъ императоромъ объ оставленіи Коваленскаго министромъ въ Тифлисъ, съ заявленіемъ, что никого другого на этомъ мѣстѣ царь имѣть не желаетъ. Вѣроятно, благодаря этимъ пронкамъ, «мало чести ему у здѣшняго народа принесшимъ» (15), высочайшій рескриптъ отъ 3-го августа 1800 года (16) объ отовваніи Коваленскаго остался безъ исполненія, и послѣ смерти Георгія XII на долю Коваленскаго выпало организовать управленіе Грузіей, учредить такъ называемое Верховное грузинское правительство, во главѣ коего явился самъ Коваленскій съ титуломъ правителя Грузіи. Разбирая организацію этого Верховнаго грузинскаго правительства, проектированнаго и приведеннаго въ исполненіе Коваленскимъ, надворный совѣтникъ Соколовъ (17)

заключаетъ: «смѣло и утвердительно полагать можно, что злоупотребленія соверщались правителемъ при самомъ сочиненіи постановленія нынѣшняго въ Грузіи правительства». Приводя въ исполненіе свой зрѣло обдуманнѣйшій проектъ, Коваленскій «укомплектовалъ всѣ мѣста болѣею частью своими родственниками или людьми, съ нимъ или съ родственниками его въ какихъ нибудь связяхъ состоящими» (18). Затѣмъ, совершенно естественно, «домъ Коваленскаго былъ верховнымъ мѣстомъ, откуда рассылались повелѣнія, розыски, аресты и конфискаціи» (19). Всѣ чины правительства, очевидно, служили Коваленскому, а не Россіи, «и числились только по спискамъ въ видѣ безыменныхъ архитекторовъ, канцелярскихъ чиновниковъ», и пр. (20), и если существовали въ дѣйствительности, то «получали отъ Коваленскаго въ счетъ жалованья сукнами, которыя продавали послѣ съ убыткомъ для выручки денегъ» (21). Въ секретной запискѣ объ избранныхъ правителемъ приставахъ при татарахъ, Соколовъ выражается такъ: «они ни по службѣ, ни въ обществѣ достойными не были; напримѣръ, Мерабовъ и Маквиладзе, о достоинствѣ коихъ упоминать пристойность запрещаетъ» (22). Не смотря, однако, на такой невысказанный выборъ чиновниковъ, государственная служба въ Грузіи и для нихъ представляла мало привлекательнаго. Полковникъ Черновъ доноситъ князю Циціанову, что «чины полиціи не удовлетворены полгода жалованіемъ, и какъ они не имѣютъ другаго средства пропитанія, то нерѣдко отказываются отъ должности, оставляя полицію безъ всякой дѣятельности» (23). Въ представленіи Верховнаго грузинскаго правительства уголовной экспедиціи (24) значится: «оная экспедиція имѣла разсужденіе, что повытчики Гуляевъ и Дзюбенко, и регистраторъ Свѣтлашнѣйшій къ должностямъ своимъ не являются, извиняясь, что, по неимѣнію скуднаго жалованія, назначеннаго правителемъ, и по неимѣнію кредита, они доведены до такого жалкаго состоянія, что ни пищи, ни обуви, ни верхней одежды не имѣютъ. Въ самой экспедиціи нѣтъ ни вахмистра, ни сторожа, и съ открытія губерніи не метутся и не топятся комнаты. Что писано правителю и главнокомандующему (Кюррингу) о высылкѣ положенныхъ по штату на расходъ денегъ, но увѣдомленія ни откуда не послѣдовало».

При подобныхъ принципахъ и порядкахъ въ управленіи Грузіи, послѣ полнѣйшаго разстройства внутренней государственной жизни при послѣднихъ царяхъ, злоупотребленія должны были составлять нормальный ходъ дѣлъ, и искать чего либо иного въ періодъ управленія Грузіей старѣйшаго изъ русскихъ дѣятелей за Кавказомъ—едва-ли возможно. «Изъ подносимыхъ мною государю императору донесеній,—пи-

щеть кн. Циціановъ (25) гр. Кочубею, — усмотрѣть изволите жалостное положеніе дѣлъ грузинскихъ и вопіющія злоупотребленія власти бывшаго правителя Грузіи... которыхъ десяти-мѣсячное продолженіе превзошло мѣры терпѣнія грузинскаго народа, пришедшаго въ колебаніе и явное недоброжелательство къ нашему правленію».

Правда, надъ Коваленскимъ былъ поставленъ высшій контроль въ лицѣ начальника Кавказской линіи, главнокомандующаго войсками, генераль-лейтенанта Кнорринга, который постоянно жилъ въ Кизлярѣ и Моздокѣ, откуда, по представленіямъ того же Коваленскаго, серьезно разрѣшалъ такіа мѣропріятія, какъ воспрещеніе вывоза изъ Грузіи шерсти, для того, чтобы Коваленскій могъ скупать эту шерсть за безцѣнокъ на такъ называемую казенную суконную фабрику, и потомъ дешево стоящими сукнами расчитываться за службу съ состоявшими на лицо чиновниками, если они трудились для блага Россіи, а не состояли въ родствѣ съ Коваленскимъ, помогая ему эксплуатировать вновь присоединенную страну. При секретномъ слѣдствіи Соколова, между прочими, стоитъ такой пунктъ: «Во всей Грузіи скуплена за дешевую цѣну шерсть для употребленія на суконной фабрикѣ, но, какъ здѣсь говорятъ, изъ шерсти сей дѣлается особая какая-то спекуляція. Правитель, имѣя оной до 15,000 пудъ, намѣревается отправить въ Россію для распродажи съ выгодой» (26). Поэтому естественно, что какъ ни далеко лежала Грузія, но слава дѣлъ правителя дошла, наконецъ, до Петербурга. Рескриптомъ отъ 8-го сентября 1802 года, императоръ Александръ, «по дошедшимъ жалобамъ и неудовольствіямъ на управляющихъ въ Грузіи генераль-лейтенанта Кнорринга и дѣйств. ст. сов. Коваленскаго», призналъ нужнымъ «зачислить перваго по арміи, а втораго отозвать для употребленія къ другимъ дѣламъ», а управленіе гражданскою и военною частію возложить на кн. Циціанова, предоставивъ ему поступить съ Коваленскимъ какъ признаеть за лучшее (27).

Не смотря, однако, на такое широкое полномочіе, данное государемъ князю Циціанову надъ участію правителя Грузіи, Коваленскій рѣшился вступить въ борьбу съ новымъ главнокомандующимъ, который, между тѣмъ, подвигаясь къ Тифлису, былъ осаждаемъ массою жалобъ на злоупотребленія Коваленскаго и К^о (28). По приѣздѣ въ Тифлисъ и производствѣ ревизіи присутственныхъ мѣстъ Верховнаго грузинскаго правительства, кн. Циціановъ вездѣ нашелъ такой хаосъ и беспорядокъ, что тотчасъ же далъ Коваленскому ордеръ, лишающій его должности (29). Коваленскій вздумалъ было парализовать дѣйствіе ордера, подавъ рапортъ о болѣзни, гдѣ выражался, что не можетъ исполнять должности «по усилившимся болѣзненнымъ при-

падаемъ по поводу пораженія чувствительности неожиданнымъ и, кажется, незаслуживаемымъ приемомъ, какой угодно было князю Циціанову сдѣлать при открытыхъ дверяхъ въ посрамленіе Коваленскаго при множествѣ князей» (30), но князь Циціановъ, какъ чловѣкъ съ сильнымъ характеромъ и безусловною честностью, не тронулся деликатностью чувствъ такого закоренѣлаго дѣльца, какъ Коваленскій, и отвѣчалъ ему, что рапортъ о болѣзни вовсе не нуженъ, такъ какъ Коваленскій уже лишенъ мѣста, и прибавилъ, что если «нѣжной чувствительности пораженіе было у Коваленскаго непритворно», то оно заслужено и «по крайней мѣрѣ составляетъ слѣдствіе той нечувствительности, какую онъ полагалъ въ здѣшнихъ князьяхъ, когда оскорблялъ ихъ своимъ поведеніемъ и тѣмъ заставлялъ возненавидѣть правленіе до такой степени, что кн. Циціановъ вынужденъ былъ страшное колебаніе умовъ противъ російскаго правленія» (31).

При такомъ рѣшительномъ отпорѣ, дипломатическимъ укрывательствамъ отъ отвѣтственности не было мѣста и Коваленскому приходилось прибѣгнуть къ открытому противодѣйствію, но какъ оно повлекло бы за собой скорый конецъ, то, по примѣру всѣхъ мастеровъ канцелярскаго дѣла, онъ спрятался за абсолютную инерцію. На всѣ предписанія князя Циціанова онъ не отвѣчалъ; всѣ его требованія оставлялъ безъ исполненія, — предоставляя ему самому разобраться въ хаосѣ бездѣйствія и злоупотребленій Верховнаго грузинскаго правительства или пользоваться для того услугами чиновъ правительства, плутовавшихъ совмѣстно съ бывшимъ правителемъ. А между тѣмъ всѣ средства и дѣятельность Коваленскаго (32) были направлены къ тому, чтобы выставить себя передъ высшимъ начальствомъ несчастною жертвою несправедливаго преслѣдованія. Много пришлось потрудиться кн. Циціанову, чтобы сломить такую массу беззаконія, какую представлялъ собою Коваленскій, хотя, по здравому смыслу, этого быть не могло. Вредная дѣятельность Коваленскаго была признана самимъ императоромъ. Князю Циціанову было дано полномочіе поступить съ нимъ, какъ признаетъ за лучшее, — но Коваленскій все это игнорировалъ. Сначала онъ совсѣмъ не хотѣлъ отдавать отчета и выѣхалъ въ г. Георгіевскъ. Возвращенный оттуда по особому высочайшему повелѣнію въ Тифлисъ (33), для дачи отчета, онъ не хотѣлъ уже выѣхать изъ Тифлиса, и спокойно руководилъ здѣсь своими сообщниками, чтобы сбить правосудіе съ настоящей дороги. Однако, кн. Циціановъ преодолѣлъ все: указомъ правительствующему сенату отъ 15-го августа 1803 года повелѣно:

1) По содержанію всѣхъ статей, содержащихся въ слѣдствіи главнокомандующимъ въ Грузіи, по высочайшему повелѣнію, произведен-

номъ,—бывшаго правителя Грузіи дѣйств. ст. сов. Коваленскаго судить по законамъ, и

2) По связи сего дѣла съ политическими обстоятельствами и общимъ устройствомъ Грузіи,—судъ сей произвести при 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената (34).

Приведеннаго краткаго перечня дѣятельности перваго русскаго правителя Грузіи—совершенно достаточно, чтобы придти къ заключенію, что савонникъ этотъ преслѣдовалъ только свои личныя цѣли, при чемъ государственныя задачи Россіи для него не существовали. Стало быть, приписывать ему желаніе завоевать Грузію и ввести ее въ составъ Россійской имперіи—было бы несообразностью. Надо только удивляться, какъ Коваленскій не достигъ обратнаго результата: не погубилъ окончательно Грузію и всѣхъ войскъ, высланныхъ для ея охраненія. Онъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, для того все, что могъ, и если не имѣлъ успѣха, то благодаря тому противодѣйствію, какое встрѣтилъ со стороны честнаго и безхитростнаго слуга Россіи, командира 17-го егерскаго полка генераль-маіора Ивана Петровича Лазарева.

По силѣ инструкціи 16-го апрѣля 1799 года, Коваленскому предоставлялась собственно дипломатическая часть, представительство Россіи и потомъ гражданская часть,—посланныя же въ Грузію войска ему подчинены не были и этому-то разумному отдѣленію гражданской власти отъ военной—Грузія обязана своимъ существованіемъ.

Послѣдовательное чтеніе донесеній Коваленскаго и рапортовъ Лазарева (35), напечатанныхъ въ «Актахъ Кавказской Археографической Коммисіи», въ высшей степени поучительно, такъ какъ въ этихъ документахъ вполне выражается различіе между принципами и дѣятельностью этихъ двухъ представителей русской администраціи въ Грузіи. Въ первомъ же донесеніи генералу Кноррингу, 2-го декабря 1799 года, Коваленскій восхищается приемомъ царя Георгія, говорить о его преданности и дѣлаетъ себѣ недвусмысленный комплиментъ, заявляя, что «его самого царь полюбилъ какъ сына и друга, и всѣ предложенія его пріемлетъ за свято. Что это его ободряетъ тѣмъ паче, что онъ нашелъ въ царѣ твердость правилъ, здравое сужденіе, кротость и благочестіе». Это, однако, не мѣшаетъ Коваленскому писать, отъ 6-го августа 1800 года, Кноррингу же, что «пуще всего беспокоитъ его слабое исполненіе его внушеній, ни отъ чего другаго какъ отъ робости и лѣности происходящее» (36). Съ 14-го декабря 1799 года Коваленскій начинаетъ свои жалобы или, правильнѣе, клеветы на Ивана Петровича Лазарева, который будто бы компрометируетъ себя передъ царемъ грубостью и преслѣдуетъ всѣхъ сво-